

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ
МАРКСИЗМА

VI

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

И5
Л-52-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

статья П. Аксельрод о гр. Осв. Тр.
стр 82-112.

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

П. АКСЕЛЬРОД

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ¹⁾

ГЛАВА I

Как ее встретили в революционной среде

Эта революционная группа, которой суждено было положить начало социал-демократической эпохе в революционном движении России, образовалась, как я рассказал в конце первой части своих воспоминаний, из заграничного кружка чернопередельцев в 1883 г. Непосредственным толчком к образованию ее послужил окончательный разрыв этого кружка с заграничным центром партии «Народная воля», последовавший за безрезультатным исходом переговоров первого с последним относительно своего вступления в организацию народовольцев.

Чернопередельская фракция отличалась от народовольческой, как известно, своим принципиально отрицательным отношением к борьбе специально за политическую свободу, независимо от борьбы непосредственно против всего социально-экономического строя во имя социализма, и своим взглядом на неразрывность этой последней с «деятельностью социалистов в народе». Именно на этих двух вопросах раскололась народническая партия в 1879 г на две фракции; из них одна провозгласила ближайшей целью революционного движения низвержение абсолютизма и очередной, неотложной задачей революционеров борьбу с правительством террористическими средствами, отодвинув до поры до времени на задний план пропаганду в народе, а другая, организовавшаяся под лозунгом «Черный передел», осталась верной старому credo народничества, принципиально не допускавшему иной центральной задачи для нашего революционного движения, кроме непосредственной подготовки народной революции для полного разрушения всего существующего социально-политического строя и водворения на его развалинах начал социалистического строя. Но теоретическое воззрение народничества, по которому Россия может, минуя капиталистический фазис, перескочить прямо в эпоху социализма, осталось у обеих народнических фракций общим символом веры, обязывавшим их стремиться к предотвращению торжества капитализма в России посредством социальной революции. Оно-то, главным образом, и стояло идейным препятствием на пути к сознанию и признанию правоверными, «ортодоксальными» народниками необходимости и обязательности для русских социалистов концентрировать свои силы на борьбе с абсолютизмом во имя политической свободы. И тот

¹⁾ Неопубликованные главы из 2-го тома «Воспоминаний».

же взгляд на безусловно отрицательное историческое значение капитализма и на вытекающую из него обязанность русских революционеров помешать воцарению его в России служил камнем преткновения для народолюбцев на пути к выработке программы и тактики, которые вполне соответствовали бы интересам и требованиям взятой ими на себя задачи — низвержения царско-чиновничьего абсолютизма и завоевания политической свободы. Народники, поднявшие знамя политической борьбы и организовавшиеся для нее в партию «Народная воля», дошли до сознания необходимости этой борьбы не теоретическим, а практическим, эмпирическим путем, под непосредственным давлением жестокого режима и беспощадных репрессий царского правительства.

Как бы то ни было, в одном из двух кардинальных вопросов русского революционного движения, расколовших народническую партию на два противоположных лагеря, в вопросе о политической борьбе, чернопеределческий кружок русской эмиграции разошелся со своей фракцией и сблизился с народолюбцами.

Правда, в другом спорном вопросе, в вопросе о роли и значении революционной «деятельности в народе», кружок этот остался верен старому воззрению народничества, по которому неизменным верховным, руководящим принципом социалистической практики должен служить лозунг международного социалистического Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», или, в переводе на язык народников: «Освобождение народа должно быть делом самого народа». Обращаясь в предисловии к своей брошюре «Социализм и политическая борьба» к чернопеределцам, т. е. к правоверным народникам старого толка, Плеханов подчеркивал: «Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему». Поэтому эмигрантской группе чернопеределцев, перешедшей на теоретическую почву марксизма, естественнее всего было бы обратиться с пропагандой своих новых теоретических и практических взглядов прежде всего к той народнической фракции, к которой она формально принадлежала и с которой она, хотя и под новым теоретическим углом зрения, оставалась солидарной в своем отношении к принципиальному тактическому лозунгу Интернационала. Весьма вероятно, что энергичная пропаганда на идейной основе марксизма законности и необходимости для русских революционеров тесно сочетать политическую борьбу с пропагандистской и организационной работой в пролетариате нашла бы восприимчивую почву среди чернопеределцев. Но эта фракция, организационно слабая при самом своем возникновении, находилась уже в полном разложении к тому времени, когда ее заграничная группа окончательно пришла к сознанию необходимости повернуть наше революционное движение в русло социал-демократизма. Как организованная сила, она в 1883 г. уже не существовала или находилась в состоянии полной агонии.

Разгром революционных организаций, последовавший за восшествием на престол Александра III, отразился губительно и на партии «Народная воля». В результате ее героической борьбы с правительством наличные силы этой партии, как и всего революционного движения, если не окончательно истощились, то во всяком случае крайне ослабли и пришли в полный упадок. Но все же авторитет и попу-

лярность ее были еще в течение некоторого времени очень значительны. И потому именно в организационных рамках и, так сказать, под официальным флагом народовольческой партии пропаганда марксистских взглядов бывшего чернопеределъческого кружка имела бы больше всего шансов на успех. А кризис всей народнической партии, начавшийся в сущности уже в конце 70-х годов, но резко проявившийся и чрезвычайно обострившийся в следующем десятилетии под влиянием опустошения, произведенного в ее рядах беспощадными правительственными репрессиями, с своей стороны объективно диктовал необходимость ликвидировать утопически-социалистическую идеологию революционного движения народнического периода в пользу марксистской или социал-демократической. Кризис этот указывал на невозможность дальнейшего развития этого движения на старом узком социальном базисе малочисленного слоя радикально настроенной демократической интеллигенции и на идеологической основе утопической веры в социалистически-революционную историческую миссию русского крестьянства. Чтобы вывести партию из ее затаянного критического состояния, необходимо было перенести центр тяжести ее социально-политических стремлений и ее революционной работы из сферы сословных интересов и сословного антагонизма крестьянства против землевладельческого дворянства в сферу классового антагонизма и борьбы рабочих с их эксплуататорами. А необходимой предпосылкой для такой перемены в социальной основе и социальном характере нашего революционного движения являлась целая революция в умах нашей радикальной интеллигенции в духе учений Маркса и Энгельса.

Принимая все только что сказанное во внимание и имея в виду, что как раз в наиболее важном для народовольцев программном пункте, в вопросе о борьбе с самодержавным политическим строем, марксизм давал прочную теоретическую опору и могучее идейное оружие в этой борьбе, марксистская группа бывших чернопеределъцев могла рассчитывать встретить сочувственное отношение к своим стремлениям в народовольческом центре. Стремление наше начать пропаганду своих новых взглядов в рядах партии «Народная воля» означало, в сущности, не что иное как предоставить ей честь сыграть роль инициатора, организатора и знаменосца социал-демократического движения в России, т. е. открыть радикально новую эпоху в истории ее революционного развития.

Как известно, эти надежды наши не оправдались. Подозрительное отношение к нам народовольческих вождей, как к членам фракции, конкурировавшей с их партией, вообще кружковые и, пожалуй, личные моменты сыграли немалую роль в том, что наши объединительные переговоры с народовольческим центром закончились полным разрывом нашего кружка с ним, побудившим нас выступить самостоятельной группой под знаменем марксизма и социал-демократии.

Но все же не в одних этих моментах заключалась главная основная или конечная причина формирования нового революционного течения не внутри старой революционной партии, а вне ее и в борьбе с нею и ее пережитками. Это видно хотя бы из того, что когда группа «Освобождение труда» появилась на свет, она встречена была — за редкими исключениями в лице некоторых единичных представителей молодого поколения — чуть не всем старшим поколением радикальной интеллигенции, без различия направления, почти столь же неприязненно и враждебно, как народовольческим центром. Слишком глубока была пропасть между

марксизмом и мировоззрением, на котором воспитаны были народники всех оттенков, чтобы они могли легко воспринять наши теоретические и практические взгляды. Идейно, навыками мысли, психологически и традициями они так тесно связаны были с отходившим в вечность народническим периодом, что пропаганда социал-демократических учений, связанная с требованием радикального разрыва с идейным наследием его, означала для них измену социализму, заветам погибших самоотверженных, героических поколений революционеров и жизненным интересам народных масс. Это было наследие эпохи, в которой промышленный капитализм еще только нарождался, пролетариат еще не выделился из общей народной массы в особый класс, с особыми интересами, единственным сознательным носителем революционных тенденций была демократическая интеллигенция, а объективной социальной основой революционного движения являлся сословный антагонизм крестьянства с помещиками. Сложившаяся в эту эпоху на такой исторически отсталой социальной почве революционная идеология стала тормозом для дальнейшего развития революционного движения. Из движущего вперед идейного революционного фактора народническая идеология превращалась в орудие застоя и в помеху для выхода революционной партии из тупика, в котором она очутилась в итоге своего развития на основе этой идеологии. Принципиальный разрыв с ней во имя марксизма, для расчистки пути социал-демократическому движению, был необходим для преодоления кризиса и возрождения революционного движения. А потому, отстаивая с фанатической яростью идейные «устои» умирившего народнического периода против марксистской группы, хранители революционной старины фактически, не сознавая того, становились консервативной, чтобы не сказать — реакционной, силой по отношению к нашему революционному движению.

Литературным инициатором и знаменосцем в борьбе радикальной интеллигенции против группы «Освобождение труда» выступил центральный орган партии «Народная воля», как только вышла в свет брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». В этой брошюре Плеханов обращался к народникам вообще, и к народовольческим народникам в частности, не как член чужой, враждебной им партии, а, наоборот, как товарищ к товарищам, с которыми он чувствует себя духовно и, так сказать, кровно связанным не только своим революционным прошлым, но и основными стремлениями во время писания брошюры. Правда, он подвергает в ней критическому пересмотру устаревшие взгляды русских социалистов. Но не одних народовольцев, а все социалистические фракции критиковал Плеханов, в том числе и ту, к которой мы сами принадлежали. Это была критика нашего собственного недавнего прошлого. И брошюра в целом совершенно чужда полемических резкостей и мало-мальски враждебного, неприязненного тона. «Я касался не лиц, а мнений, — пишет Плеханов в предисловии к ней, — и частные разногласия мои с той или другой социалистической группой нисколько не уменьшают моего уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа». Критика имела целью выяснить крайнее несоответствие народнических воззрений основным задачам и стремлениям самих народников и необходимость для русских революционеров ради этих задач и стремлений стать на теоретическую почву марксизма. Плеханов старался доказать, что «наше революционное движение очень много выиграет, если «народники и народовольцы» сделаются, наконец, русскими

марксистами и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы каждая по-своему, потому что при всей своей односторонности каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни».

Центральная, непосредственно практическая цель брошюры сводилась к тому, чтобы выяснить русским революционерам, что их главной задачей в царской России является, именно с точки зрения научного социализма, борьба с абсолютизмом, но — в тесной неразрывной связи с пропагандистской работой в пролетариате для подготовки «рабочего класса к его будущей самостоятельной и поступательной роли» тотчас после низвержения абсолютизма, на почве «свободных политических учреждений». В тесном сочетании систематической работы над подготовкой такой пролетарской работы с борьбой за «политическую свободу» он видел единственное или наиболее действительное средство к тому, чтобы решительная победа над царским самодержавием явилась прологом для эпохи борьбы рабочего класса за свое полное освобождение. И к руководящей роли в выполнении этой задачи Плеханов призывал главным образом партию «Народная воля», историческую заслугу которой, как инициатора в борьбе с абсолютизмом, он специально и неоднократно подчеркивал.

На брошюру Плеханова в резко полемическом тоне и с сильным раздражением откликнулась редакция «Вестника народной воли» во втором номере этого журнала. П. Л. Лавров посвятил ей рецензию, в которой писал:

«Орган партии «Народной воли» посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа; эта борьба так сложна, что требует от нас всего нашего времени и всех наших трудов. Нам, по моему мнению, нет ни досуга, ни охоты посвящать долю нашего издания на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с «Народной волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа».

Далее Лавров выражает надежду, что в дальнейшем своем развитии Плеханов сознает «еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего, еще опасного врага: именно, что расстраивать организацию этой армии, даже если в ней видишь или предполагаешь некоторые недостатки, дозволительно только врагам дела этой армии, — к которым г. Плеханова я, конечно, не причисляю, — или группе, которая сама своею деятельностью, своею силой и своею организацией способна стать общественной армией в данную историческую минуту».

И к этому рецензент прибавляет ядовито: «Для «освободителей труда» эта роль еще находится, повидимому, в далеком — да, пожалуй, и несколько сомнительном — будущем».

Однако, вопреки заявлению Лаврова о том, что у редакции «Вестника народной воли» нет «ни досуга, ни охоты для полемики» с нами, в том же номере журнала другой редактор журнала, Тихомиров, выступил в пространной резко полемической статье против нашей группы, которой, впрочем, он почему-то не называл, как не называл он и лично Плеханова.

«За политическую борьбу, — читаем мы в этой статье, — высказываются нынче даже люди, которые не надеются из нее извлечь ничего, кроме конституции;

для достижения этой конституции социалисты решаются даже требовать, чтобы либералов не пугали «красным призраком».

Эту тенденцию критикуемого направления Тихомиров старается объяснить тем, что сторонники этого направления «считают исторической неизбежностью русский капитализм». «С этой точки зрения, — утверждает он, — только один шаг остается до прямого содействия капитализму».

«Если для организации крупного производства» необходимо «перейти через школу капитализма, то прямая гражданская обязанность требует временно совсем поступиться своими стремлениями социалиста, даже, пожалуй, позабыть о них».

«С какой стати мы будем заражать интеллигенцию идеями, при которых она делается неспособной грабить рабочего с чистой совестью и энергией? С какой стати мы будем самого рабочего напитывать социалистическими идеями, отвлекающими в этом классе лучшие силы от стремления к капиталистической карьере?»

Развитие этой мысли вместе с опровержением неизбежности капитализма в России и составляет главное содержание статьи Тихомирова.

В заключение же автор следующим образом характеризует роль нашей группы (которой он и здесь не называет) и мотивирует необходимость решительной борьбы с нею:

«Интеллигенцию, эту драгоценную историческую силу, следует тщательно оберегать от схоластической ржавчины, способной уничтожить ее лучшие свойства — ее веру в народ, в свои собственные силы, в революцию.

«А между тем только такое воздействие на революционную интеллигенцию могут оказывать голоса, призывающие ее к разным старчески практическим задачам, вроде борьбы за либеральную конституцию, с отказом от всякой надежды осуществить власть народа.

«Планы новой группы не «практичны», а просто близоруки. Это та самая практичность, которая держит в состоянии политического ничтожества наших либералов... Может быть, для себя они и поступают благородно. Но совсем не так поступать надо передовому бойцу революции, который принужден идти впереди других и должен раньше всех понять и почувствовать, когда можно крикнуть смелое «вперед». Нет, не держась за фалду фабриканта, приведем мы к чему-нибудь рабочую массу. Не для буржуа мы должны добывать конституцию, да и вообще не конституции, а народной власти должны мы добиваться. Не обезземливать народ должны мы для этого, не развивать пролетариат, не насаждать капитализм, а укреплять силу и независимость народа экономически, политически, умственно и нравственно».

Теперь, 40 лет спустя, читатель, даже «не обучавшийся в семинарии», может легко оценить все эти выпады.

Как видите, первый шаг первой русской социал-демократической группы на пути к пропаганде марксистских взглядов вызвал со стороны руководящего органа народолюбцев обвинения против нас, и против Плеханова в первую голову, в дезорганизаторских тенденциях, в готовности ради одной только «конституции» в пользу «буржуа» жертвовать жизненными интересами народа и отказаться от борьбы за народовластие, за развитие и укрепление экономической, политической умственной и нравственной силы народа. И в довершение всего Тихомиров объ-

явил содержание названной брошюры «схоластической ржавчиной», способной демократизовать демократическую интеллигенцию, «уничтожить ее лучшие свойства — ее веру в народ, в свои собственные силы, в революцию».

Так поняла и истолковала редакция «Вестника народной воли» первое изданное группой «Освобождение труда» произведение Плеханова, посвященное выяснению и постановке — на теоретической основе марксизма — очередных задач социалистов в царской России. Упреки и обвинения против нас, сформулированные и пущенные в обращение этим народовольческим органом, в разных вариантах, дозах и комбинациях повторялись потом народниками разных толков и в особенности эпигонами народовольцев, партия которых первая среди русских революционеров в 70-х годах подняла знамя борьбы за ту самую «либеральную конституцию». Теперь, почти через полвека со времени образования первой русской социал-демократической ячейки и выхода в свет ее первого издания, после того как история оправдала применение ею учений Маркса и Энгельса к решению важнейших вопросов русской жизни, в настоящее время кажется мне совершенно излишним и даже странным пускаться в своих воспоминаниях в опровержение упреков, сыпавшихся на нас со стороны наших противников в революционном лагере.

Но в той же революционной среде возникло и оформилось в 80-х годах течение, представители которого упрекали нас не в крайней буржуазной приверженности к «либеральной конституции», а как раз наоборот, в социалистическом доктринерстве и отодвигании на задний план задачи борьбы за политическую свободу. В этом оппортунистическом, практически или теоретически либеральном лагере радикальной интеллигенции рассуждали приблизительно так: низвержение абсолютизма является самой насущной, абсолютно неотложной задачей всех прогрессивных слоев России, завоевание конституционных гарантий — необходимейшее предварительное условие для удовлетворения всех экономических, политических и культурных потребностей русского народа. Но социалисты сами, без серьезной поддержки широких общественных слоев, не в силах добиться этих гарантий. И так как рабочего класса, способного на борьбу за них, в России нет, то социалисты должны политически сблизиться, еще лучше — соединиться, с либеральными слоями общества, т. е. имущих классов. Но либералов пугают социалистические цели революционеров, а потому, чтобы устранить это препятствие к сближению их или объединению с либералами на почве борьбы с абсолютизмом, они должны до поры до времени «запрятать социализм в карман».

Добровольский и В. Мокриевич и их единомышленники в этом взгляде на очередную задачу и тактику русских революционеров не принадлежали к партии «Народная воля». Но такой же взгляд на этот вопрос значительно раньше их высказал и мотивировал народовец Присецкий в конце 1881 г. на страницах издававшейся в Женеве либеральной газеты «Вольное слово». В статье, подписанной инициалами В. П., он в № 19 этой газеты противопоставил старому народническому лозунгу «Освобождение народа должно быть делом самого народа» формулу: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». И так как «народ» по своей безграмотности и некультурности не заинтересован в самом важном, самом насущном для России деле, в борьбе за политическую свободу, то революцио-

нерам и думать нечего о том, чтобы он «был поставлен стражем и даже требователем конституционных гарантий». Это — дело революционной интеллигенции и либеральных слоев имущих классов, как части нации, наиболее заинтересованной в низвержении абсолютизма. Поэтому все передовые, «честные люди» из среды «общества» должны объединиться вокруг партии «Народная воля» «под одно знамя обеспечения прав человеческой личности». А когда «дело свободы будет выиграно, деспотизм отойдет в область истории», революционная интеллигенция сможет по-прежнему принятая «за пропаганду в рабочем сословии».

Присецкий довел, в сущности, до «логического конца» тенденцию, скрывавшуюся или потенциально содержавшуюся в первоначальном провозглашении партией, к которой он принадлежал, борьбы за политическую свободу своей специальной задачей и в заявлении, что до освобождения России от царского абсолютизма вести пропаганду в народе — значит тратить революционные силы на сизифову работу. В сознании внутренней логической связи своих взглядов с выступлением партии «Народная воля» на революционную арену он приглашал либералов присоединиться к ней. К середине 80-х годов она уже фактически умерла, и точка зрения Присецкого в устах других представителей радикальной среды могла получить еще более отчетливо либеральное выражение, чем у него и других единомышленников с ним народолюбцев. Но народолюбцы в конце концов повернули от либеральной или, как определенно выражался Желябов, «демократической конституции» в сторону якобинского или бланкистского народничества, родоначальником которого был Ткачев. Поэтому Тихомиров в теоретическом обосновании Плехановым и подчеркивании значения первоначального политического лозунга партии «Народная воля» мог, не особенно кривя душой, открыть измену социализму ради «либеральной конституции», в то время как наши противники в противоположном лагере интеллигенции упрекали нас, наоборот, в том, что мы ради доктринерского социализма забываем о жизненной потребности России в этой конституции и о борьбе за ее завоевание.

Группа «Освобождение труда», выдвигая на первый план социалистические принципы и цели и решая именно под углом зрения этих принципов и целей задачу борьбы за политическую свободу, настаивала на обязанности и необходимости для социалистов вести эту борьбу в тесной связи с развитием классового сознания и политической активности рабочих. А потому в глазах либерально настроенного крыла революционной интеллигенции, тяготевшего к возможно большему сближению с «обществом», мы являлись сухими социалистическими доктринерами, жертвующими для своих утопических доктрин реальными жизненными интересами русского народа и отодвигающими на задний план или просто пренебрегающими самой насущной, злободневной задачей всех прогрессивных оппозиционных слоев России — завоеванием политической свободы.

Не могу обойти здесь молчанием и тот факт, что в кругу вождей западной социал-демократии программа и тактика группы «Освобождение труда» вызывали у некоторых товарищей недоумения, недоразумения и в той или иной мере скептицизм. И что особенно заслуживает быть отмеченным, так это то, что это отношение к нам некоторых из наиболее крупных представителей социал-демократии диктовалось соображениями, по существу довольно сходными с теми, которыми руководились наши русские противники, и притом главным образом те из них,

которые принадлежали к оппортунистическому крылу радикальной демократии, подпавшему влиянию либеральных тенденций.

Во избежание недоразумения скажу тут же, что вообще отношения к нам западных товарищей бесконечно далеки были от охарактеризованного мною выше отношения подавляющего большинства представителей русской радикальной демократии. С некоторыми наиболее видными из них мы сошлись очень близко: например, Плеханов с Гедом в Париже, я — с Бернштейном и Каутским в Цюрихе; через них я познакомился с Моттелером, организатором и руководителем экспедиции издававшегося в Цюрихе нелегального органа германской социал-демократии, и несколькими другими немецкими и швейцарскими товарищами. В этом кругу мы встречали сочувствие и поддержку, в особенности со стороны Бернштейна и Каутского.

Но приблизительно в конце 1884 г. я начал замечать или подозревать, что не во всех руководящих социалистических кругах наша практическая программа встречает полное одобрение и безраздельное сочувствие.

Не могу припомнить, под впечатлением каких именно конкретных фактов у меня зародилось подозрение в том, что некоторые из наиболее влиятельных и политически зрелых представителей этих кругов склонны видеть в нас доктринеров, слишком мало учитывающих насущную необходимость для русских социалистов концентрировать свои силы на борьбе с царизмом. Помню только, что я высказал это своим товарищам в письме к В. И. Засулич и что скоро мое подозрение или предположение подтвердилось. Письмо, о котором здесь идет речь, я написал по следующему комическому поводу.

1 апреля 1885 г. Засулич вместе с одним близким к группе товарищем доставили Плеханову письмо якобы от Энгельса, в котором он резко нападал на нашу группу и высказывался против ее программных и тактических воззрений совершенно в духе народовольцев. Энгельс явно стал на сторону народовольческой партии. Почтовая марка и почтовый штемпель на хорошо заклеенном конверте не оставляли сомнения в подлинности письма. Оно вызвало в Плеханове величайшее негодование и возмущение против Энгельса, и он уже собирался ответить ему подобающим образом. Но товарищи сразу укротили его гнев и успокоили, напомнив ему о 1 апреля. Когда же Вера Ивановна написала мне обо всем этом, я ответил ей, что совсем не удивился бы, если бы Энгельс действительно высказался в духе апокрифического письма.

Я убежден, — писал я ей и Плеханову, — что и самые горячие противники бакунизма и бланкизма среди социал-демократов готовы примириться с тем и другим в России и восторженно приветствовать самого дьявола, лишь только ему удастся вызвать в них веру в свою силу и справиться с царским абсолютизмом и избавить цивилизованный мир от этого оплота европейской реакции ¹⁾.

И вот в конце того же месяца, в котором Вера Ивановна так подшутила над Плехановым, она действительно получила от Энгельса письмо, которое по духу и содержанию, по своей основной тенденции чуть не тождественно было с апо-

¹⁾ Буквального текста я не могу, конечно, воспроизвести; но ручаюсь за точную передачу содержания моего ответа Вере Ивановне на ее сообщение о своей апрельской шутке.

крифическим первоапрельским письмом его к Плеханову. Оно было ответом на ее просьбу сообщить нам свое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»¹⁾.

В этом письме он прежде всего выразил свою радость по случаю появления среди русской молодежи группы, «которая без колебаний и оговорок принимает великие экономические и исторические теории Маркса и которая решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями ее предшественников». В этом он видит «прогресс огромной важности для развития революционного движения в России», потому что «историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить эту теорию к экономическим и политическим условиям страны, которой дело касается». Это именно и сделал Плеханов в своей книге «Наши разногласия». А Энгельс все-таки неодобрительно отнесся к критике Плеханова взглядов и лозунгов «Народной воли», противоречивших исторической теории Маркса и не допускавших приложения ее к русской действительности для выработки «выдержанной и последовательной тактики».

Энгельс оговаривается, что он «слишком невежествен относительно современного положения России», чтобы считать себя компетентным судьей в частных тактиках, требующейся там в определенный момент. Но «то, что я знаю или думаю, что знаю о положении России, склоняет меня к мнению, что там приближаются к 1789 г.» и что революция может в ней «разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной mine, где остается только приложить фитиль».

«И если когда-нибудь бланкистская фантазия перевернуть целое общество действием одного маленького заговора имела некоторое основание, так именно теперь в Петербурге». Но, само собою разумеется, не непосредственно социалистического переворота ждал Энгельс от бланкистского «маленького заговора», а лишь революции 1789 г., за которой «не замедлит последовать и 1793 г.», т. е. максимально радикальная ликвидация остатков старого режима, т. е. завершение опять-таки революции буржуазной.

Очевидно, имея в виду критику Плехановым народовольческой идеи захвата власти, Энгельс пишет: «Предположим, что эти люди (народовольцы.— П. А.) вообразят, что могут захватить власть,— что за важность? Пусть только сделают брешь, которая разрушит плотину,— поток сам скоро образумит их иллюзии. Но если бы случайно эти иллюзии (курсив мой.— П. А.) своим воздействием вызвали у них высшую силу воли, почему на это жаловаться? Люди, вообразившие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали,— что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать».

Энгельс, как видите, относился к «захвату власти» народовольцами с большим скептицизмом, вернее,— как к иллюзии, которую ход самой революции разобьет; «эти люди,— говорит он,— взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который... найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия».

¹⁾ Письмо Энгельса перепечатано в русском переводе Дейчем в № 3 издаваемого им сборника группа «Освобождение труда».

Но так как эта иллюзия может вызвать у русских революционеров подъем энергии, необходимый для нанесения «маленьким заговором» решительного удара царизму, то можно и должно мириться с нею и не подрывать критикой ее сплочения активных сил революционного движения.

Несколько месяцев спустя Бернштейн мне сообщил, что в том же духе, только не выдвигая уже в перспективе повторения Россией французской революции 1789 г., Энгельс высказался перед Каутским в беседе с ним о «Наших разногласиях» Плеханова. В письме (от 30 июня) из Лондона к Бернштейну Каутский так резюмировал содержание этой беседы ¹⁾:

Энгельс находит брошюру Плеханова теоретически очень интересной. «Но его теоретические рассуждения (Ausführungen) Энгельс считает — не скажу: ложными, — но несвоевременными (unangebracht); в России теперь дело идет не о программе, а о революции». А она «поставит во главе управления страной не социалистов, а либералов». Главное теперь не в теоретической ясности русских революционеров, а в их энергии. «В России дело идет о низвержении царизма и о сплочении всех революционных элементов для этой цели, и Энгельс будет неизменно на стороне тех, кто соответственно этому действует, хотя бы их программы были неудовлетворительны (unvollständig). Для борьбы с царизмом необходимо сплотить все элементы, способные к ней, — без различия программы, и Плеханов поступает нехорошо (tut unrecht), нападая на «Народную волю», на людей, которые одни только и делают теперь что-нибудь в России, хотя теоретически он и прав по отношению к ним».

Своими указаниями на то, что «теоретическая ясность» для русских революционеров в данный момент не важна и что все равно, какая именно фракция и под каким лозунгом даст сигнал русской революции, Энгельс в практической оценке выступления группы «Освобождение труда» оказался фактически в довольно близком соседстве с оппортунистически настроенными элементами демократической интеллигенции, смотревшими на нас как на доктринеров и политических фантазеров или утопистов. А народовольцы в частности радостно приветствовали бы неодобрительное отношение Энгельса к плехановской критике их программы и тактики, потому что могли бы ее истолковать в духе своих обвинений нашей группы в дезорганизаторском образе действия.

В середине 80-х годов Энгельс находился еще под впечатлением недавней героической борьбы партии «Народная воля» с правительством и видел в ней единственную силу, способную «дать сигнал» к национальному взрыву против царизма. А борьба с абсолютизмом являлась с точки зрения Энгельса главной очередной исторической задачей русских социалистов, и практическим отношением их к ней определялось его собственное отношение к социалистическим группам и фракциям в России; поэтому выступление нас, недавних анархистов-чернопередельцев, самостоятельным пропагандистским кружком — в оппозиции к народовольческой партии — казалось ему несвоевременным (unangebracht) и проявлением склонности из-за чересчур доктринерских соображений жертвовать насущными интересами и потребностями борьбы против царизма более далеким целям и не столь животрепещущим задачам.

¹⁾ Оно напечатано в изданном Э. Бернштейном собрании писем Энгельса к нему.

К концу 80-х годов Энгельс убедился в иллюзорности своих расчетов на дальнейшую революционную активность народолюбцев и своей веры в непосредственно предстоящую русскую революцию. Вместе с тем он за это время настолько познакомился с произведениями Плеханова и нашей действительной позицией в вопросе о завоевании политической свободы, что признал эту позицию правильной, политически вполне целесообразной. К началу 90-х годов он вполне сблизился с группой «Освобождение труда» и персонально особенно с Плехановым и Засулич, подолгу жившими в Лондоне и по разным поводам переписывавшимися с ним.

Но и в этом десятилетии наша программа и тактика вызывали еще у некоторых вождей западной социал-демократии не то недоумение, не то скептическое или даже прямо отрицательное отношение к себе, но теперь уже с явно либеральным оттенком. Припоминаю два очень характерных случая, довольно наглядно иллюстрирующих точку зрения, с которой некоторые из наиболее выдающихся представителей западной социал-демократии склонны были судить и оценивать практические стремления нашей группы.

Не помню точно, в начале или около середины 90-х годов Плеханов мне рассказал, как незадолго до того он встретился в Париже с П. Лафаргом и как этот последний набросился на него с целым градом совершенно неожиданных со стороны Лафарга упреков по адресу нашей группы и более всего, конечно, против самого Плеханова. «В России социалистам и либералам необходимо теперь совместно добиваться конституции, а вы и ваши друзья враждуете с либеральной оппозицией, вместо того чтобы заодно с ней бороться против существующего политического режима, во имя политической свободы. Вы тратите только бесплодно свои силы и отвлекаете силы своих сторонников на преследование утопических в самодержавной России целей и задач, а между тем все ее революционные и оппозиционные силы должны быть направлены на низвержение абсолютизма и завоевание конституции».

Эти упреки, как две капли воды, похожи на те, которые выдвигали против нас сторонники либеральной тактики в радикальной интеллигенции.

Столь же показательны для тенденции некоторых вождей западной социал-демократии в вопросе о практических задачах и тактике русских революционеров было замечание другого вождя Интернационала, В. Либкнехта, по поводу стачки петербургских ткачей в конце 1895 г. Когда один близкий к группе «Освобождение труда» товарищ, если не ошибаюсь — Бухгольц, восторженно сообщил Либкнехту об этом знаменательном событии, то он довольно холодно сказал: «В России студенческие волнения имеют гораздо большее политическое значение, чем рабочие стачки. Стачки рабочих бывают и в Китае». Так индифферентно отнесся ветеран и солдат революции — наряду с Бебелем крупнейший вождь германской социал-демократии — к событию, открывшему собою эпоху революционного движения в России, как «движения рабочего класса», предсказанного Плехановым на международном социалистическом конгрессе 1889 г. в Париже. Так низко оценивал Либкнехт значение пролетариата в царской России как революционной силы. С точки зрения, на которой стоял не он один, предсказание Плеханова на интернациональном социалистическом конгрессе 1889 г., что русское революционное движение победит абсолютизм как движение рабочего класса или совсем не победит, должно было казаться плодом утопической фантазии.

А в середине 80-х годов Энгельс, повидимому, еще смотрел на русский пролетариат как на такую ничтожную в революционном смысле социальную силу, которую нечего принимать во внимание при учете факторов революционного движения в царской России. На это указывает, по крайней мере, тот факт, что в цитированном выше письме к Засулич он в подкрепление своих надежд на близость революции в России ссылается на ненависть одних только передовых элементов образованного общества против политического режима. Деспотизм,— подчеркивает он в этом письме,— «стал невыносим для молодежи, соединяющей в себе интеллигенцию и все благородные элементы нации». О невыносимости того же «деспотизма» специально для рабочего класса Энгельс и не заикнулся. А между тем он в том же письме уверенно предсказывает повторение у нас Великой французской революции, в которой народные массы вообще и пролетарские в частности играли огромную, решающую роль. Именно революционная активность этих масс дала радикальной демократии во Франции возможность стать доминирующей силой в этой революции. Но в эпоху, предшествовавшую ей, в подготовительный период ее, рабочие массы и общественные элементы, по своему радикализму и социальному составу соответствовавшие нашей социалистической демократии, не играли там самостоятельной, активной политической роли. «Сигнал» или решительный толчок разразившейся революционной буре дали не радикально-демократические, а полярно противоположные социальные элементы — представители дворянства и высшего духовенства, т. е. аристократическая оппозиция. Эти «исторические» привилегированные сословия были во Франции в предреволюционную эпоху очагами активной оппозиции абсолютистскому режиму королевской власти и высшей бюрократии; опираясь на традиции их политического могущества в прошлом, на их древние права и привилегии, их вожди и официальные органы вступали в конфликт с правительством каждый раз, когда оно, вынужденное затруднительным положением, главным образом финансовыми затруднениями, предпринимало или пыталось предпринимать какие-нибудь реформы, в которых дворянство и духовенство видели угрозу своим старым привилегиям и эгоистическим интересам. Но, отстаивая интересы реакционных сословий, парламенты, возглавляемые парижским, собрания духовенства и нотаблей должны были указывать на то, что королевская власть отнюдь не всегда была неограниченна и что они борются собственно за интересы всей нации и за ее суверенные права. И в конце концов обе борющиеся стороны своими междуусобиями способствовали идейной «разрушительной» работе философов и просветителей и прогрессивных писателей и подготовке в демократических слоях психологической и политической атмосферы для превращения созыва генеральных штатов в исходный пункт для революционной ликвидации всех социально-политических остатков средневековья. Радикальная же демократия, довершившая до конца эту ликвидацию во Франции, выступила там на историческую сцену во главе народных масс лишь после того, как общественная атмосфера для революционного взрыва была уже до известной степени подготовлена теми, которым суждено было погибнуть от него, когда революционная буря уже вполне разразилась.

А в России революционные элементы демократической интеллигенции начали складываться в самостоятельную партию, с своей идеологией и методами борьбы, уже на заре нашего освободительного движения, почти за столетия до первой общенародной атаки — в 1905—1906 г. — на старый режим. И на плечи этих

элементов пала, главным образом, непосредственно политическая работа по подготовке общественных сил и психологической атмосферы для нашей революции. В противоположность Франции, классической стране буржуазных революций на Западе, где идеологи радикальной демократии с самого начала имели дело с народными массами, охваченными революционной бурей, в России революционно-демократическая интеллигенция должна была сама в течение целого ряда десятков лет систематически работать при исключительно тяжелых условиях над созданием сочувственной для нее атмосферы в этих массах и выработкой в них элементов для революционно-демократической или подлинно народно-революционной партии.

Наши названные выше западные учителя и товарищи не уделили достаточного внимания историческим особенностям условий развития освободительного движения в России, вызвавшим у нас революционную демократию к жизни в гораздо более раннем фазисе, чем на Западе, и навязывавшим ей уже в этом раннем фазисе искать тесного сближения с «народом» для борьбы с существующим режимом, как партии народной не только по своим социально-политическим стремлениям, но и по своему главному социальному составу. Если бы Энгельс, Либкнехт, Лафарг обратили должное внимание на эти моменты, то они увидели бы, что такая партия — в масштабе, допускавшемся культурной и социальной почвой царской России, — могла образоваться только на основе и в атмосфере борьбы рабочих с их эксплуататорами. А если бы они приняли еще во внимание, что для перенесения центра тяжести нашего революционного движения в сферу классового антагонизма и классовой борьбы пролетариата с капиталистами абсолютно необходимо было преодолеть идейный консерватизм радикальной интеллигенции, то в них совсем не вызвала бы недоумения резкая полемика Плеханова против революционных и либеральных народников и они вполне поняли бы целесообразность и необходимость теоретического оружия, пущенного Плехановым в ход для обоснования и пропаганды нашей практической программы на идеологической основе марксизма. Но западные товарищи склонны были судить о нашем революционном движении под углом зрения эпохи буржуазных освободительных революций на Западе, где «народ» появлялся на политической арене в самый разгар революционных событий как стихийная сила, возглавляемая и руководимая партийно, политически слабо дифференцированной массой идеологов «третьего сословия», а крайние элементы этих идеологов лишь в последних актах революционной драмы становились господствующей партией.

В то время, когда Энгельс высказывал свою уверенность в близости русской революции, наше революционное движение переживало глубокий кризис вследствие крайнего ослабления сил радикальной интеллигенции и неподготовленности почвы для вербовки и мобилизации новых революционных сил. Первое десятилетие в жизни группы «Освобождение труда» характеризуется двойственным процессом — умиранием старого, интеллигентского народнического движения, с одной стороны, и медленным молекулярным процессом зарождения и назревания элементов, призванных сыграть роль пионеров в подготовке нового, пролетарского революционного движения. В атмосфере этого критического периода пришлось довольно продолжительное время работать группе «Освобождение труда»; эта атмосфера и в особенности взаимоотношения с консервативными элементами в революционной среде влияли, конечно, на характер и содержание ее деятельности.

ГЛАВА III

Положение группы в первые годы ее существования

Она возникла в атмосфере глубокого кризиса в нашем революционном движении, о котором я упоминал выше. Проникнутая сознанием, что для преодоления этого кризиса и возрождения движения к новой жизни русские революционеры должны распространиться с унаследованным ими от народнической эпохи социально-политическим мировоззрением и стать на почву учений международной социал-демократии, новая революционная группа выступила с пропагандой этих учений и — в лице Плеханова — подвергла всесторонней критике старые теории и программы нашей радикальной интеллигенции.

Мы исходили из убеждения в том, что партийный кризис вызван не только физическим обесилением ее вследствие правительственного террора, но и ее собственным внутренним развитием в узкой социальной среде разночинной интеллигенции на теоретическом базисе идеологии, признававшей социальной основой революционного движения только сословный антагонизм крестьянства против помещиков и «начальства». Наша группа видела в разрыве революционной партии с этой идеологией и вступлении на теоретическую почву марксизма необходимую предпосылку или условие для обеспечения революционному движению прогрессивно растущего притока свежих сил. Консервативные же руководители и сама масса радикальной демократии если и замечали дефекты в революционном движении, то, в общем и целом, — в виде «маленьких недостатков механизма», отнюдь не требовавших такого внутреннего, духовного переворота в революционном лагере, к какому стремилась группа «Освобождение труда». Но у народнической интеллигенции наша точка зрения на причины и значение кризиса и вытекавшие из нее радикальные выводы вызывала только возмущение и негодование против ее представителей и защитников.

Группа «Освобождение труда» конституировалась в составе шести человек: кроме Плеханова, В. Засулич, Дейча, Р. М. Плехановой и меня в группу вошел Н. В. Игнатов, бывший член организации «Земля и воля», примкнувший после раскола этой организации к чернопередельческому кружку.

Игнатов был прежде человеком со средствами: ему принадлежала доля в каком-то парходном предприятии. В свое время он отдал на революцию значительную часть своего состояния. В момент раскола землевольческой организации в кассе партии были еще пожертвованные им суммы. По соглашению между обеими фракциями эти суммы были поделены между ними.

За границу Игнатов приехал тяжело больной, с туберкулезом легких. Политически он все время оставался тесно связан с нами, но работать активно он не мог: врачи послали его в Египет, состояние его здоровья становилось все хуже, и вскоре (1885 г.) он умер. Небольшое пожертвование, которое он мог уделить нам, дало нам возможность приступить к делу. Но именно только «приступить». С первого же шага мы очутились перед крайними материальными затруднениями. Из России нам нечего было ждать материальной поддержки. За границей еще сохранились кое-какие источники средств для русских революционных начинаний. Но для нас эти источники были почти совершенно закрыты: слишком велико было

здесь раздражение против группы, дерзающей критиковать деятельность окруженной героическим ореолом партии «Народная воля». Да и вся наша идеология, марксистская, отнюдь не предрасполагала радикальную интеллигенцию к оказанию нам какой-нибудь поддержки на первых шагах нашей деятельности. Исключения в нашу пользу были крайне редки. Их можно бы пересчитать почти что на пальцах одной руки. Помню, что очень скоро после образования группы Л. Г. Дейчу удалось приобрести сочувствие двух студентов, Слободского и Тилло, учившихся в Германии. Но Тилло вслед за тем уехал в Россию и перешел к народолюбцам. Активного сторонника мы с самого начала приобрели в лице Саула Гринфеста, часто упоминаемого ниже. Вместе с Гецовым и Рольником он устроил в Минске в 1880—1881 г. тайную типографию, в которой набирали и печатали «Черный передел». После ее провала они эмигрировали в Швейцарию и в течение года или несколько больше жили в Цюрихе, где Гринфест сблизился со мною и, как только мы начали свою издательскую и пропагандистскую деятельность, всецело присоединился к нам.

Но в общем и целом группа наша на первых порах оставалась в изолированном и крайне тяжелом положении.

Нам приходилось прилагать огромные усилия, чтобы собрать какую-нибудь сотню франков, а получение откуда-нибудь тысячи франков было в жизни нашей группы целым событием.

При этих обстоятельствах на плечи Л. Дейча, кроме нашей общей пропагандистской работы, легли главные, чуть не все, материальные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была русская революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, вообще вел все административные и организационные функции группы. Через него шла вся деловая переписка между мною и женевскими товарищами. У меня сохранились письма, которые я в то время получал от него, и некоторые отрывки из них помогут читателю представить себе жизнь нашей группы в первые месяцы ее существования¹⁾.

17 октября 1883 г. Л. Дейч пишет мне:

«Я с Сергеем²⁾ уговариваю Веру переехать на зиму в Париж для заведения там знакомств, связей, пользования всякими зацепками, могущими пригодиться нашей группе, и пр. А то там ведь у нас нет ни одного своего человека, имеющего в виду ловить всякие поводы для пользы нашей группы. Илья Игнатов³⁾, которому и я говорил здесь и пишу в каждом письме, заявляет о своей «полной неспособности» к такой функции, да к тому же он слишком занят своею целью и

¹⁾ Оригиналы писем я лет 12 тому назад, по просьбе Л. Дейча, отослал ему в Нью-Йорк, так как они были нужны ему для литературно-исторической работы. Цитирую по копиям, которые он снял и мне впоследствии прислал.

Настоящая глава была уже готова к печати, когда я узнал, что оригиналы писем, о которых тут идет речь, напечатаны были самим Дейчем в его сборнике «Группа Освобождение Труда».

²⁾ Степняк, который не принадлежал к нашей группе, но был связан с нами личной дружбой, настоятельно советовал нам отправить в Париж В. И. Засулич.

³⁾ Брат Н. Игнатова.

очень мало нашей группой. Вера могла бы очень много привлечь к себе своей простотой, умом и прочими добродетелями. Она не против этого плана вообще, но и не хватается сильно за эту идею, хотя все же находит сама нужным попытаться ей воспользоваться массой наезжающих (особенно зимою) русских. Словом, если еще представится какой-нибудь случайный повод и откуда-нибудь нужные 200 — 250 франков на костюмировку, дорогу и первое время, то она наверное поедет. А это для нашей группы, надеюсь, будет иметь значение».

Но, увы, необходимых 200—250 франков у нас так и не оказалось, и проект остался проектом. Касса группы постоянно была пуста, нехватало не только на такие обширные предприятия, как «дорога и костюмировка», но и на уплату типографских счетов, на экспедицию отпечатанных брошюр и прочие совершенно неотложные нужды. Письма, которые я получал из Женевы, были полны жалобами на безденежье, и мрачный тон этих жалоб смягчался лишь выражениями надежды на получение «манны небесной» в результате той или иной финансовой операции, по части которых Дейч проявлял неистощимую изобретательность.

От «сочувствующих», которых нам удалось завербовать, толку было не много.

В письме от 30 ноября 1883 г. Дейч жалуется:

«У нас уж судьба такая: сочувствовать — сочувствуют нам, а дойдет до дела — ничего нет. Какой-то все малодетельный, неинициативный народ, а вот мы их позовем, подготовим немного, — смотришь, как это было с Тилло ¹⁾, они пристали к народокольцам, где подают голос за вскрывание наших писем... Трагическое в своем роде положение наше, из которого выхода-то не видишь».

При отсутствии денежных средств, при враждебном отношении к нам со стороны старой народокольческой эмиграции и со стороны большинства заграничной русской молодежи, при царившей в умах ее путанице, при пассивности и ненадежности тех немногих ее представителей, которые проявляли некоторое сочувствие к нам, мы по необходимости снова и снова возвращались к мысли связаться непосредственно с уцелевшими в России остатками революционных организаций.

27 ноября 1883 г. Дейч пишет мне:

«Вообще, надо тебе сказать, я довольно пессимистично смотрю на наше положение: я ясно сознаю, что пока у нас в России не будет хоть маленькой группы человек в 8—10, до тех пор мы будем мертворожденными и не в состоянии будем влачить какое-нибудь существование, даже если бы откуда-нибудь вдруг и получили достаточную сумму на поддержку изданий. Что в том, что мы будем издавать брошюры, если в России не будет лиц, считающих эти издания своими, если не будет группы, заинтересованной в получении и распространении их? Создать такую группу не может, конечно, Варв [ара] Ив [ановна], ни даже Саул Гринфест. Из нас всех это могли бы сделать — ты и я, говоря без всяких преувеличений и самообмана. Но нам с тобою, конечно, немислимо теперь ехать в Россию. И вот почему я и настроен пессимистично. Как бы то ни было, но надо из всех сил лезть, чтобы проявлять свое существование, не возбуждая смеха в публике своими выпусками в несколько месяцев по брошюрке наряду с толстыми 2—3-месячными №№ «Вестника Н [ародной] в [оли]» и массой

¹⁾ О котором выше было упомянуто.

публикаций их внутри России (теперь уже вышел 4 № «Листка» и несколько прокламаций и брошюр). Вот почему я хватаюсь за всякую возможность, чтобы хоть отсюда влиять на создание в России нужной нам группы. К сожалению, здесь решительно нет для этого материала, т. е. мы не знаем и не имеем таких лиц, которых, обворотив, как ты говоришь, «прелестями своей группы», можно было бы выпроваживать в Россию. Но в этом, по-моему, должна состоять наша цель теперь; мы всеми силами должны стремиться к этому».

Но на пути к этой цели перед нами на каждом шагу вырастают новые трудности, которые все сводились к двум фактам: у нас не было людей и не было денег.

Приезжавшие из России сообщали мало утешительного о состоянии революционных кружков, но из их рассказов получалось впечатление, что, несмотря на идейный разброд, там все-таки еще теплится жизнь. Была надежда, что даже с небольшими силами там удастся кое-что сделать.

В письме от 12 января 1884 г. Дейч передает мне рассказ одного приехавшего из Москвы молодого человека:

«Рассказывает он довольно много, но ничего утешительного: страшный хаос господствует повсюду, особенно среди студенческих кружков, хотя что-нибудь делать, но решительно не знают — что; ждут, как манны небесной, каких-нибудь опытных людей, которые бы их куда-нибудь повели; дробление на кружки и кружочки — бесконечное; ко всему этому — полное безденежье. Таково же, по его словам, и положение народovolьцев, если не хуже (заметь, он с большой склонностью к народovolьчеству, т. е. собственно к терроризму), но крайней мере в численном отношении они уступают народническим кружкам. Нет только у них ясности в воззрениях, но к тому же у них полное незнание, за что взяться, так что случается народovolец просит у народников «дать ему какое-нибудь занятие».

«Примирение между теми и другими и слияние потому только не совершается, что, например, в Москве нет никакого народovolьческого кружка, который взялся бы за присоединение, «так как народники согласились бы на всякие условия», лишь бы выйти из теперешнего своего инертного состояния. В таком же приблизительно виде обстоит и в других городах, так как нигде нет капрала, который взял бы в руки палку. Однако заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам, желает чего-нибудь определенного, ясного. Поэтому, говорит он, появившись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой, но ему вследствие разрозненности кружков и личностей пришлось бы чуть ли не с каждым в отдельности переговариваться, переезжая с места на место. К политической борьбе все относится сочувственно, поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но он не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практический путь действия».

Передавая эти рассказы, Дейч прибавляет:

«Для меня наш путь остается попрежнему тем же: поставить здесь хорошо литературное дело, более или менее обеспечив его, спровадить несколько человек отсюда, на которых можно в России положиться (приблизительно таких, как Гринфест и Вера Личкус), а затем мне двинуться, имея уже какую-нибудь среду, атмосферу там».

Но об отправке в Россию нескольких человек при состоянии наших средств и отсутствии подходящих людей можно было только мечтать. Мы рады были, когда при напряжении всех наших сил удалось в самом конце 1883 года послать в Россию хоть одного человека — Саула Гринфеста.

Мы не рассчитывали на то, что этому товарищу удастся стать организатором нового течения в России, но он должен был разыскать уцелевшие народнические кружки или хотя бы отдельных лиц, на которых мы могли бы опереться, познакомить их с нашими взглядами, установить правильные сношения между ними и нашей группой и таким образом подготовить почву для дальнейшей работы, для которой предполагал ехать в Россию Дейч.

По пути в Россию Гринфест остановился в Кенигсберге и установил там связь с двумя студентами, Городищем и немцем Тмаркиным, которые согласились получать от нас из Швейцарии транспорты наших изданий (через Германию их приходилось посылать нелегально) и отправлять дальше через контрабандистов в Россию.

Уже 12 января Дейч сообщил мне о получении от Гринфеста из России письма с просьбой выслать ему через Кенигсберг по 100 экземпляров первых двух наших брошюр («Политическая борьба и социализм» и «Развитие научного социализма» Энгельса). Предполагалось, что Дейч пришлет эти брошюры мне в Цюрих, а я при помощи немецких товарищей должен был переправить их через швейцарско-германскую границу до ближайшего немецкого городка, откуда транспорт мог идти далее в Кенигсберг по почте.

Но этот план расстроился. Не помню точно, что помешало нам, но вероятнее всего дело было в следующем.

Для пересылки наших брошюр через швейцарско-германскую границу немецкие товарищи располагали тем контрабандным путем, которым они доставляли в Германию из Цюриха свой партийный орган («Социал-демократ») и другие свои издания. Но на этом пути иногда случались провалы, и, повидимому, как раз в то время, когда мы обратились к ним, их путь не действовал.

Этим я объясняю теперь себе поездку в Базель Дейча, откуда он рассчитывал переправить транспорт через границу при помощи одного своего знакомого немца. Но немец не мог почему-то тогда лично заняться этим делом, и Дейч решил сам поехать с брошюрами до Фрейбурга (баденского города, расположенного недалеко от швейцарской границы).

Но в Германии, где были в разгаре преследования социалистов (по исключительному закону 1878 года), Дейч навлек на себя подозрение портье гостиницы, быть может, служившего в полиции. По его доносу в номере Дейча был произведен обыск, причем в его чемодане, кроме русских изданий, оказались также социалистические брошюры на польском языке. Это послужило основанием для его ареста.

Весьма быстро немецкая полиция узнала, что в ее руки попал Лев Дейч, герой чигиринского дела, дважды бежавший из тюрьмы в России и разыскиваемый русским правительством по обвинению в покушении на убийство шпиона Горяновича.

Мы ничего не знали об аресте товарища, когда неожиданно приехал ко мне в Цюрих лично незнакомый мне господин высокого роста и представительной наружности и отрекомендовался:

— Я профессор Тун из Фрейбурга. Пришел я к вам по делу вашего товарища Льва Дейча, — он арестован и содержится в фрейбургской тюрьме.

Имя профессора Туна уже было известно мне. Незадолго до того он прислал мне выпущенную им на немецком языке довольно обширную и добросовестно составленную книгу по истории революционного движения в России.

Об аресте Дейча Тун узнал совершенно случайно. Фрейбургские судебные власти пригласили его, как человека, знающего русский язык, в тюрьму в качестве переводчика к арестанту, заявлявшему, будто он ни слова не понимает по-немецки. Войдя в камеру арестованного, профессор с изумлением узнал русского социалиста, с которым познакомился года два до того в Базеле и к которому обращался за справками для своей книги.

Тун предложил Дейчу свои услуги, чтобы чем-нибудь помочь ему. Дейч просил его известить о случившемся нашу группу, и Тун поспешил ко мне в Цюрих.

Его сообщение крайне встревожило меня. Ясно было, что Дейчу грозит опасность быть выданным русскому правительству. А это означало каторгу, а то и казнь.

Я немедленно сообщил женевским товарищам о полученном известии и выехал в Базель, чтобы попытаться при помощи местных социалистов сделать все, что возможно, для спасения товарища. В. Засулич тоже приехала в Базель, и мы вместе поехали во Фрейбург. Там к нам присоединился Городищ, который, как студент германского университета, мог, не возбуждая подозрений, сношаться с Туном. Через Туна мы сразу вступили в сношения с Дейчем. Положение его было очень серьезное. Ни на освобождение, ни на отказ немцев от выдачи русскому правительству не было никакой надежды. Дейч мечтал лишь о побеге из тюрьмы¹⁾. Мы с своей стороны изыскивали все пути, чтоб помочь ему, но тщетно. Неожиданно В. Засулич получила письмо из тюрьмы, в котором Дейч прощался с ней и с товарищами и сообщал, что на-днях его отправляют в Россию.

Вскоре, чуть не на следующий день, его под сильным конвоем отвезли на границу, где его уже ждали русские жандармы. Мы, совершенно убитые неудачей, вернулись в Швейцарию, — В. Засулич в Женеву, а я в Цюрих.

Около этого времени — еще пока мы были во Фрейбурге — вернулся из России Гринфест. Он привез самые неутешительные вести: положение революционного движения в России еще безнадежнее, чем мы предполагали, нет ни кружков, ни людей, ни связей. Допускаю, что такая мрачная картина получилась в передаче Гринфеста отчасти и потому, что он оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел установить надлежащий контакт с теми революционными элементами, которые в то время еще уцелели в России.

Наша группа стала теперь еще меньше. Не считая безнадежно больного Игнатова, нас оставалось теперь лишь трое: В. Засулич, Плеханов да я²⁾. Плеха-

¹⁾ Тун и об этом переговаривался с ним, но он сам мог предлагать нам только фантастические планы.

²⁾ Р. М. Плеханова должна была работать в университетских клиниках, посещать медицинские лекции и готовиться к экзамену на звание врача с правом медицинской практики в Женевском кантоне, вообще была так обременена семейными заботами и делами, что у нее не оставалось времени и физической возможности брать на себя партийные функции.

нов отдался целиком теоретическим научным занятиям и литературной работе, отрываясь от книг лишь для чтения рефератов перед русскими студентами в разных городах Швейцарии. Я же делил время между литературной работой, устной пропагандой и сборами денег, причем много сил поглощала у меня и материальная борьба за существование, — о чем дальше я расскажу подробнее. Вера Ивановна, потрясенная судьбой Дейча, некоторое время не могла принимать активного участия в деятельности группы.

Дейча, на котором, как я говорил, лежала главная тяжесть практической работы группы, заменить было некому. Некоторую часть его функций мы поручили Гринфесту, который для этого дела поселился в Женеве.

Но, разумеется, у Гринфеста не было ни известности Дейча, ни его связей, ни его инициативы и энергии. И вскоре наши материальные дела, которые и раньше обстояли далеко не блестяще, пришли в полное расстройство.

Чуть не в каждом письме ко мне Гринфест писал: у нас ни сантима, нечем платить наборщику, нечем платить за бумагу и за квартиру типографии, кругом долги. И, рисуя перспективы предстоящих займов в 1 000—2 000 франков, он просил меня пока раздобыть где-нибудь хоть на две недели франков 100 и бывал рад, когда мне удавалось послать ему половину этой суммы.

Пробившись около года на этой работе, Гринфест, за отсутствием средств к жизни, вынужден был покинуть Женеву и переехать в Цюрих, где поселился у меня.

После его отъезда заведывание типографией осталось на В. Засулич.

Единственным лучом света за это время явилось для нас письмо, которое пришло к нам в Женеву в феврале 1885 г. и о котором Гринфест сообщал мне:

«Сегодня мы получили на адрес типографии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношения. Письмо это адресовано Рольнику ¹⁾, и пишущие просят его узнать у группы «Освобождение труда», получила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время тому назад послали в группу через редакцию «Вестника нар [одной] воли», так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция «Вестника» не дала этого нам, то они просят нас вытребовать это от редакции; если же не поможет, то они просят прислать адрес, тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции «Вестника». Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они «петербургские социал-демократы»...

«Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому: наконец русские стали нас искать».

Это письмо было послано нам кружком, который вошел в историю социал-демократического движения в России под именем «Кружка Благоева».

Вскоре мы получили из Парижа программу кружка, составленную в лассальянском духе. Кружок просил прислать статьи для газеты «Рабочий», которую он издавал.

С какой великой радостью мы приняли это предложение! Плеханов написал «Письмо к петербургским рабочим кружкам» под заглавием «Современные задачи

¹⁾ Рольник в это время был у нас наборщиком.

русских рабочих». А я написал статью о последних выборах в Рейхстаг (в 1884 г.) и о германской социал-демократической партии. Обе статьи дошли до Петербурга и были там напечатаны. Но, увы, 2-й № «Рабочего» оказался вместе с тем и последним. Уже в марте Благоев был арестован и выслан за границу как иностранец. А в январе 1886 г. произошли новые аресты, и кружок прекратил свое существование. Отмечу, что Благоев, вернувшись на свою родину в Болгарию, продолжал здесь свою революционную работу и явился одним из главных основателей болгарской социал-демократической партии. Вскоре после его приезда в Болгарию мы получили отсюда 500 франков.

С провалом кружка Благоева оборвалась у нас всякая связь с Россией.

ГЛАВА IV

Глухие годы

После несчастья, постигшего нашу группу с потерей, понесенной ею в лице Л. Г. Дейча, а затем и смерти Игнатова, она, как я уже отметил, фактически состояла из трех лиц: Плеханова, Засулич и меня. Мрак реакции не только правительственной, но и общественной, все более сгущался, а после провала кружка Благоева и шансы на скорое преодоление нашей изолированности от России упали фактически до нуля.

Пришлось мириться с печальной перспективой работы в крайне ограниченной, узкой сфере русской студенческой молодежи за границей, непосредственно, главным образом, в Швейцарии. Плеханов посвящал свои силы главным образом теоретическим занятиям, литературным работам, чтению рефератов в мелких кружках и собраниях молодежи и беседам с отдельными членами русской колонии. Вера Ивановна, кроме забот о типографии в Женеве и теоретических занятий, также не упускала случаев и поводов для индивидуальных бесед с лнзующими к ней и благоговевшими перед ней революционно и идеалистически настроенными членами русской колонии в Женеве. Я лично больше всего уделял время и силы индивидуальной пропаганде, беседам с отдельными лицами из местной и навещавшей Цюрих русской молодежи, выступлению в местных небольших собраниях референтом или оппонентом, а то и просто участником в дебатах; немало забот и хлопот было у меня по части добывания средств, большей частью очень незначительных, для продолжения нашей издательской деятельности. И, конечно, она при данных условиях была очень ограничена. «Ограничена» в количественном отношении. Но что касается идейного содержания, то достаточно назвать такие произведения, как «Наши разногласия» Плеханова, «Нищета философии» Маркса в переводе Плеханова, его же «Фердинанд Лассаль», изданные нами в течение 2—3 лет после выдачи Дейча баденским правительством русскому правительству, чтобы дать некоторое представление о качественной стороне нашей литературной пропаганды. Приблизительно в одно и то же время с сочинением Плеханова «Наши разногласия» вышла из печати и моя популярная брошюра: «Рабочее движение и социал-демократия», в предисловии к которой я — от имени своего и Плеханова — обращался к передовым рабочим, к «рабочей интеллигенции» с указанием на ее обязанность подготовиться к роли руководителя и организатора рабочих масс для борьбы за их интересы.

А для того чтобы «достойно выполнить эту обязанность», рабочая интеллигенция— писал я, — «должна сама глубоко проникнуться сознанием тесной связи между условиями благосостояния крестьян и промышленных рабочих и пониманием задач рабочего класса как руководителя всех трудящихся слоев России». Если память меня не обманывает, то именно под впечатлением враждебного отношения к нам консервативного большинства радикальной интеллигенции и из досады на пассивность и вялость большинства малочисленных наших сторонников я предлагал сознательно революционным единицам из нашего пролетариата возможно скорее организоваться «в самостоятельную силу» и вместо того, чтобы «тащиться в хвосте так называемых интеллигентных кружков, направить все свои силы, всю свою энергию на образование одного самостоятельного рабочего союза», к которому, конечно, в конце концов, примкнут все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были.

Но как бесконечно далеки мы были от этой перспективы! Ведь необходимой предпосылкой для образования рабочей партии являлась наличие именно такой революционной интеллигенции, которая достаточно глубоко проникнута была пролетарским патриотизмом, чтобы страстно и энергично стремиться к осуществлению этой перспективы. А молодежь, окружавшая нас в середине 80-х годов и еще позже, еще очень далека была от такого настроения.

Активных революционных работников среди русской молодежи в Швейцарии почти не было. Большинство, даже из сочувствовавшей нам среды, ограничивалось платоническими симпатиями к революции: читали книжки, передавали их другим, слушали, иногда собирали франки. Но ясно было, что отсюда до глубокого, на всю жизнь, увлечения революционными идеями бесконечно далеко. Кроме Слободского, по-настоящему поддерживавшего нас, но уехавшего в Россию и скоро арестованного там, лишь еще один юноша уже в 1885 году выделился из этой среды, бернский студент-медик Ингерман, в лице которого группа приобрела горячо убежденного и довольно активного сторонника. Несколько позже я предложил Плеханову и В. Засулич ввести его, как члена, в группу «Освобождение труда». Это предложение было принято, и Ингерман вступил в группу; это был единственный новый товарищ, принятый в наш строго заменутый кружок.

Позже Ингерман уехал в Америку, где он живет и теперь. Он организовал в Нью-Йорке «Русское социал-демократическое общество», в которое привлек передовые элементы русско-еврейской эмиграции. Это общество устраивало, по инициативе Ингермана, новогодние балы в пользу группы «Освобождение труда». Каждый год мы получали из Нью-Йорка «новогодний подарок», — сперва в несколько сот франков, а затем в тысячу, и, под конец Ингерман присылал нам, насколько помню, 1 500—2 000 франков ежегодно.

Во вторую половину 80-х годов у нас появились новые друзья и приверженцы, по мере своих сил помогавшие группе: Ганелин, Любовь Исаковна Аксельрод (моя однофамилица, но не родственница, писавшая впоследствии под псевдонимом «Ортодокс»), Борис Кричевский (позже в Париже работавший в органе Жюреса «Humanité»), Яков Кальмансон и др.

Как-то, в 1887 году, два одессита, Ганелин и Барат, получили из Одессы письмо, в котором их спрашивали, как смотрит на цели нелегальной литературы группа «Освобождение труда».

Для нас как будто создалась возможность обратиться, наконец, непосредственно к работающим в России товарищам. Я ухватился за эту возможность и принялся писать подробный ответ одесскому кружку. Правда, вопрос в формулировке полученного Ганеликом письма был немного наивен. Но, говоря о целях нелегальной литературы, я мог развить наш взгляд на пропаганду и вообще на политические и тактические задачи социал-демократии в России. Рамки письма у меня мало-помалу раздвигались все шире и шире, и в конце концов мой «Ответ» одесским товарищам разросся в целую объемистую тетрадь в 48 весьма убористо написанных гектографированных листов большого формата. Помню, между прочим, я коснулся в этой записке вопроса об отношении социал-демократов к революции и к реформам. Я писал, что при оценке значения той или другой реформы мы всегда должны себе ставить вопрос: как отразится данная мера на ходе рабочего движения и на развитии производительных сил страны? Если реформа обеспечивает за пролетариатом новые, более выгодные позиции и не препятствует росту производительных сил, мы обязаны бороться за нее.

Отгектографированные отписки моей записки ходили по рукам за границей.

Приехавший в Цюрих около этого времени из Чернигова адвокат Кулябко-Корецкий заинтересовался этой запиской, стал уговаривать меня перепечатать ее по-настоящему, типографским способом, даже предложил дать деньги на издание.

Кулябко-Корецкий был человек радикальных взглядов и сочувствовал революционерам, но не был марксистом, и в общем ход мыслей в моем «Ответе» был ему совершенно чужд. Но его прельстил один пункт — защита борьбы за конституцию. «Под этим, — говорил Кулябко-Корецкий, — подписался бы сам Петрункевич». А это было в его устах высшей похвалой.

Я уговорил Кулябко-Корецкого пожертвовать деньги, на которые он предлагал издать мою записку, на издание — не помню уже какой — работы Плеханова. В конце концов он согласился на наше предложение издать сборник¹⁾.

Этот сборник мы выпустили в 1888 году под заглавием «Социал-демократ». Плеханов написал для сборника статью, которой придал форму диалога между либералом и социал-демократом. Статья носила заглавие «Как добиваться конституции». В. Засулич дала «Очерки по истории Интернационала», а я написал статью «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь».

Характеризуя рост рабочего движения за четверть века, я старался сохранить полное беспристрастие и ничего не преувеличивать. Но при сопоставлении фактов в различных странах и отделенных друг от друга большим промежутком времени картина получалась более яркая, чем это представлялось при наблюдении фактов рабочего движения изо дня в день.

Степняк, живший в то время в Лондоне, прочитав наш сборник, писал В. Засулич:

¹⁾ Мою записку я не хотел перепечатывать, так как я писал ее, как письмо товарищам, без строгого плана. Она меня очень не удовлетворяла в литературном отношении, главным образом в архитектурном. Для печати я считал нужным обработать и переделать ее заново. Упомяну кстати, что впоследствии гектографированный экземпляр этой записки попал в руки народолюбцев. Им почудились в ней какие-то разногласия между мной и Плехановым, и они решили, что именно поэтому записка не была отпечатана группой «Освобождение труда».

«У Павла выходит, что все кругом горит и кипит. А я вот живу здесь в Англии, но ничего подобного не замечаю».

Я хочу остановиться хоть в нескольких словах на личности Якова Кальмансона, о котором я упомянул выше.

Он был женат на сестре моей жены и потому, приехав в Швейцарию, поселился с нами. Вначале он был предубежден против социал-демократизма и относился отрицательно к книге Плеханова «Наши разногласия». Но затем он целиком примкнул к нам.

Это был умный и образованный человек, одаренный и ораторским и литературным талантом. Он выступал на собраниях в защиту наших идей, читал рефераты и поместил две статьи в наших сборниках. К несчастью, обстоятельства помешали ему развернуть все таившиеся в нем силы: его поглотила материальная борьба за существование, и умер он молодым от разрыва сердца.

Наша сравнительно монотонная политическая жизнь за вторую половину 80-х годов прерывается двумя социалистическими конгрессами: конгрессом германской социал-демократической партии в Сен-Галлене в 1887 году и международным социалистическим конгрессом в Париже в 1889 году.

Конгресс в Сен-Галлене собрался нелегально. Действовавшие в то время в Германии исключительные законы против социалистов лишали их возможности устроить партийный съезд открыто на германской территории. Больше того: даже участие в съезде, происходящем за границей, грозило членам партии судебным преследованием и тюрьмой. За предыдущий съезд, состоявшийся в Копенгагене, социал-демократы Ауэр, Бебель, Либкнехт, Зингер и другие вожди партии, участвовавшие в съезде, были арестованы и преданы суду, но это не помешало им, лишь только после продолжительного — для Германии — заключения они вышли на волю, выпустить гласное обращение к партийным организациям, приглашавшее их принять участие в новом конгрессе. В этом обращении было указано время съезда, в тайне сохранялось лишь его место.

Сен-Галлен, небольшой швейцарский городок, был избран местом съезда отчасти потому, что здесь можно было рассчитывать на покровительство местных кантональных властей, настроенных весьма демократически. Но все же сен-галленская полиция просила членов съезда не афишировать своего присутствия в городе и возможно меньше показываться на улицах. Ввиду этого для делегатов было устроено нечто вроде временного общежития в помещении, где происходили заседания. Для этой цели было приспособлено здание, похожее на большой сарай или сеновал. Некоторые из делегатов (всего их съехалось 70—80 человек) уходили ночевать на частные квартиры, другие спали на ворохах сена и соломы.

Я был приглашен на конгресс в качестве гостя, и эти дни в Сен-Галлене произвели на меня необычайно сильное впечатление.

На конгрессе присутствовал весь цвет германской социал-демократии — Бебель, Вильгельм Либкнехт, Зингер, Бернштейн, Ауэр. Многие из делегатов (в том числе Бебель и Либкнехт) лишь недавно вышли из тюрьмы, где отбывали наказание за Копенгагенский съезд. Все готовы были подвергнуться новым преследованиям. Чувствовалось, что 10 лет борьбы под гнетом исключительных законов закаляли этих людей и спаяли их в дружную семью. Твердой волей, энергией и какой-то особенной деловой серьезностью, сочетавшейся с энтузиазмом и глубокой

верой в свое дело, веяло от конгресса. Заседания происходили с утра до позднего вечера, с небольшими перерывами для обеда и ужина. В общей сложности работали чуть не по 14 часов в сутки, так что в конце концов это вызвало проницательное замечание Ауэра:

— Мы боремся за 8-часовой рабочий день, — напомнил он при общем дружном смехе товарищам, — а сами заседаем по 14 часов и подаем дурной пример.

Особенно горячо обсуждался на конгрессе вопрос об избирательной тактике.

Ауэр защищал необходимость при определенных условиях соглашений с либералами против реакционеров. Бебель и Зингер были против всяких избирательных соглашений. Ауэр энергично и упорно отстаивал свое предложение и в весьма резком тоне полемизировал с Бебелем, Зингером и другими противниками. Он говорил с большой силой, умно, едко, с сарказмом. Эти речи бывшего рабочего-седельщика невольно импонировали мне, хотя меня раздражала резкость его выпадов против Бебеля. Впрочем, и сам Бебель не оставался в долгу.

Вскоре после Сен-Галленского конгресса в Германии были назначены общеимперские выборы. Ауэр незадолго до того тяжело заболел невралгией. Партия устроила его в санатории, а затем, когда он немного оправился, товарищи послали его отдыхать в Монтрё, в то время, когда избирательная агитация была в полном разгаре. Защиту его кандидатуры перед избирателями взял на себя тот самый Бебель, против которого он так резко выступал на Сен-Галленском съезде. Он объезжал избирательный округ Ауэра, выступал на собраниях, вел агитацию со всей своей пламенной энергией и посылал Ауэру телеграммы, чтоб он не тревожился и берег свое здоровье.

Страстные споры вызвал на конгрессе вопрос об исключении из партии двух видных членов, которые отказались подписать воззвание о предстоящем съезде. Один из провинившихся был некий Фирек, — среди членов съезда говорили, что он из семьи Гогенцоллернов, аристократ по происхождению. Другой депутат, Гейзер, был зять Вильгельма Либкнехта; он в то время сидел еще в тюрьме, и некоторые, особенно Бебель, указывали смягчающие его вину обстоятельства, повидимому, не желая огорчить Либкнехта его исключением из партии. В конце концов изгнанию из партии подвергся только Фирек.

Наконец, я должен упомянуть еще об одном характерном инциденте, разыгравшемся на конгрессе.

Не помню уж по какому поводу, речь зашла о какой-то санатории для членов партии. Против администрации санатории раздавались разные упреки. Со всеми упреками ораторы обращались к Зингеру. Он защищался, оправдывался, и у меня получилось впечатление, что партия поручила ему заведывание санаторией, а он не вполне удачно справился с этой задачей.

Взял слово против Зингера и Бебель.

— Зачем ты покупал эту санаторию, — говорил он, — и зачем передал заведывание ею партии и сделал ее ответственной перед товарищами, между тем как ты же ее собственник?

Зингер отвечал ему:

— Ты забываешь, что по закону кто-нибудь должен же считаться владельцем предприятия. Ну, я и дал свое имя... А принадлежит санатория всей партии.

Тут только для меня выяснилось, что Зингер на свои средства купил санаторию и подарил ее партии, для товарищей, нуждающихся в лечении и отдыхе. Я не мог не оценить благородства этого человека, скромно защищавшегося в ответ на упреки — к тому же совершенно неосновательные — и, казалось, совершенно забывшего, что он сам собственник этой санатории и сам же ее содержит.

Сен-Галленский конгресс еще более укрепил мои давние симпатии к германской социал-демократии.

Парижский международный социалистический конгресс 1889 года подготовлен и созван был вождями германской социал-демократии совместно с французскими марксистами, или гедистами.

Одновременно решила созвать международный конгресс и другая, конкурировавшая с гедистами фракция французского социализма — POSSИБИЛИСТЫ или, как их называли по имени их лидера Брусса, брусситы.

Таким образом в столице Франции в одно и то же время заседали два международных социалистических конгресса. Более умеренные социалистические партии и группы послали делегатов на конгресс брусситов, а более радикальные элементы — вплоть до крайних анархистов — явились на конгресс марксистов.

Плеханов и я одновременно получили приглашение приехать на конгресс.

Мы колебались: с одной стороны, как маленькая литературная группа, мы считали себя не в праве участвовать в конгрессе в качестве делегатов, не имея мандата из России и даже не имея представления о том, много ли у нас там единомышленников. С другой стороны, и денег у нас не было для поездки. Поэтому мы ответили Лафаргу письмом, в котором объяснили ему, что представлять на конгрессе нам пока некого. Но Лафарг настаивал, просил нас приехать. Посоветовавшись, мы решили, что двоим во всяком случае ехать в Париж было бы большой роскошью, что достаточно, если поедет один Плеханов.

Но хотя я сам настоял на таком решении вопроса, меня против воли тянуло все же в Париж, туда, где после столь продолжительного перерыва со всех концов света соберутся представители социалистического пролетариата и где должны быть положены основы организационного восстановления Интернационала.

Моя жена и Кальмансон, прекрасно понимая мое настроение, стали уговаривать и меня ехать на конгресс, несмотря на изрядную скудость нашего весьма скромного семейного бюджета.

— Ведь только тело твое здесь, а душой ты и теперь в Париже, — говорил Кальмансон.

В конце концов я согласился и поехал. Но мандата от группы я не взял, решив присутствовать на конгрессе как частное лицо.

В Париже в это время происходила всемирная выставка, устроенная в ознаменование столетнего юбилея Великой французской революции. Но я как-то не заметил ни этой выставки, ни города, в котором был тогда в первый раз в жизни. Все мое внимание было поглощено конгрессом.

По правде, конгресс был хаотический. Явились анархисты и всячески мешали работать.

Но все же чувствовался большой душевный подъем. Выделялась германская социал-демократия, приславшая, несмотря на исключительные законы, блестящую делегацию.

И несмотря на беспорядочность прений, на шумные перерывы и выступления анархистов, на их скандалы, моральное значение нашего конгресса оказалось таково, что он действительно положил основание II Интернационалу. Вскоре к нему примкнули и те партии, которые в 1889 году были представлены на конгрессе бруссистов. Здесь же, на этом конгрессе, было установлено ежегодное празднование социалистами всего мира Первого мая.

Плеханов выступил на конгрессе с небольшой речью на французском языке, причем в заключение речи сказал:

«Революционное движение в России может восторжествовать над абсолютизмом только как революционное движение рабочих, или оно совсем не победит его».

Парижское городское самоуправление, в котором руководящую роль играли в то время радикальные элементы буржуазии, устроило банкет для членов обоих социалистических конгрессов (нашего и созданного POSSИБИЛИСТАМИ).

Самым почетным гостем на празднике, устроенном парижской городской думой, был старик Вильгельм Либкнехт. На него были обращены все взоры. Впоследствии Плеханов с большим юмором изображал, как ходил Либкнехт по залам, опираясь с одной стороны на Геда, а с другой на Вальяна, и как бы по-архиерейски благославляя налево и направо благоговейно теснившуюся вокруг него толпу.

Во время конгресса мы с Плехановым получили письмо от Степняка из Лондона: он звал нас к себе погостить, соблазняя нас свиданием с Энгельсом.

Мы решили поехать к нему после окончания конгресса.

Но перед отъездом из Парижа случилось со мной небольшое, довольно смешное приключение.

Сидели мы как-то в кафе довольно большой товарищеской компанией. Плеханов обратил внимание на состояние моей соломенной шляпы, действительно отслужившей уже все сроки.

— Нельзя так ходить в Париже, — заявил он и предложил молодому знакомому Львову: — вы местный человек, так возьмите его в магазин, купите ему шляпу.

— Какую? — переспросил Львов.

— Конечно, шапо-кляк, — ответил Плеханов шутя.

Но Львов не понял шутки и действительно купил шапо-кляк. Львов выбирал, примерял мне шляпы, а я ограничивался тем, что подставлял голову для примерки. Наконец шляпа куплена. Я надеваю обновку, и мы возвращаемся к Плеханову, весьма довольные покупкой.

Плеханов при виде меня в новой шляпе воскликнул и набросился на Львова с упреками.

Но дело было уже сделано. Так в шапо-кляке я и поехал в Лондон.

Степняк в это время работал над своим большим романом «Андрей Кожухов». Материальные его дела (в ожидании гонорара за роман) были очень плохи. Каждое утро он уходил куда-то занимать шиллинги. А нам говорил перед уходом:

— Вы тут подкормитесь... по силе возможности.

Возможность выражалась главным образом в чае с хлебом.

Направлению группы «Освобождение труда» Степняк не сочувствовал, но он вообще не придавал большого значения теоретическим разногласиям. Он нередко затевал с нами спор, но всегда по-дружески.

В первое воскресенье после нашего приезда в Лондон Степняк сказал нам: — Ну, нужно вести вас к Энгельсу. Для меня ведь он здесь даром пропадает. Нечего говорить, что к Энгельсу мы шли полные благоговения, и в этом отношении я и Плеханов ничуть не уступали друг другу.

У Энгельса по воскресеньям всегда собирались друзья и товарищи. Мы застали здесь: Эдуарда Бернштейна, уже вернувшегося после Парижского конгресса в Лондон, где было его постоянное местожительство; Эвелинга с женой (Элеонорой Маркс, дочерью Карла Маркса); Шорлеммера, профессора химии в одном из английских университетов, участника революции 1848 года, после поражения которой он эмигрировал из Германии.

Шорлеммер был близким другом Маркса и Энгельса, постоянно проводил с ними каникулярное время, освежаясь душой в беседе с ними. Летом обыкновенно он уезжал вместе с Энгельсом на остров Уайт. Между прочим Шорлеммер не мало помог Энгельсу в изучении химии, за которую Энгельс принялся, готовясь подвергнуть критике систему Дюринга.

Энгельс знал со слов Каутского, Бернштейна и Степняка о группе «Освобождение труда» и о нас с Плехановым. Он читал по-русски и был знаком с «Нашими разногласиями» Плеханова. Принял он нас очень любезно, ласково.

Ему было уже за 70 лет¹⁾. Слава, окружавшая его имя, ни в малейшей степени не отразилась на той сердечной простоте, которой он всегда отличался. При первой встрече с Энгельсом мы мало говорили с ним о политических вопросах. Общий разговор носил скорее шуточный характер.

Елена Демут, которая заведывала хозяйством в доме Энгельса, как раньше заведывала хозяйством в доме Маркса, усердно угощала нас, — уже не помню чем именно, но кажется там был большой пирог, а также пунш и пиво.

Демут когда-то служила в доме родителей жены К. Маркса и с тех пор не расставалась с семьей Маркса, деля с нею и радость и горе. Либкнехт рассказывал, что когда Маркс, увлекшись шахматами, засиживался слишком поздно с товарищами, Елена Демут, заявляла категорически:

— Ну, довольно играть. Спать пора.

И Маркс подчинялся, не пытаясь протестовать.

Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь. Энгельс вышел в переднюю провожать нас.

— Ну, однако, — шапо-кляк и без зонтика, — заметил он, обращаясь ко мне.

Плеханов тут же, в передней, рассказал ему всю историю моего шапо-кляка.

Энгельс просил нас заходить к нему, и с этого дня вплоть до нашего отъезда из Лондона мы бывали у него чуть ли не ежедневно.

Каждый раз мы заставляли у Энгельса Шорлеммера, каждый раз на столе появлялась батарея пивных бутылок. Старики — Энгельс и Шорлеммер — принимались показывать нам, как нужно пить, и мы лишний раз убеждались, что в этом искусстве мы не можем тягаться с ними.

Наши беседы вращались вокруг теоретических и политических вопросов и касались крупных фактов и революционных деятелей, в частности Бакунина и Лассаля.

¹⁾ В воспоминаниях Аксельрода об Энгельсе имеются некоторые ошибки. В 1889 г. Энгельсу еще не было и 69 лет; к изучению химии он приступил задолго до того, как вынужден был заняться критикой Дюринга.

Услышав от нас о мерах, принимаемых царским правительством против распространения образования в народе, Энгельс воскликнул:

— Вот придет война,— им неоткуда будет взять дельных офицеров!

Как-то при разговоре на общефилософскую или историческую тему Плеханов задал Энгельсу вопрос о прошлой истории Китая. Энгельс привел нас в недоумение странным ответом:

— Ну-у-у! Ведь меня-то там не было!

Мы в этом ответе почували симптом или проявление старости.

Помню еще, что Энгельс с большим вниманием следил за разыгравшимся во Франции делом Буланже. Он считал авантюру этого предприимчивого генерала, задумавшего нечто вроде бонапартистского переворота во Франции, весьма опасной для демократии и очень радовался тому, что эта затея провалилась.

Плеханов пробыл в Лондоне с неделю, а я остался еще несколько дней,— хотел побывать еще у Эвелингов, Бернштейна и др. товарищей.

Вскоре после нашего возвращения в Швейцарию у группы «Освобождение труда» явилась материальная возможность предпринять издание обширных сборников, по типу русских толстых журналов.

Средства на эти издания мы получили совершенно случайно.

В Швейцарию приехал один русский барин-миллионер, врач по образованию, уже давно не занимавшийся практикой (а может быть, и никогда не практиковавший). К политике он никакого отношения не имел, жил в свое удовольствие, соря деньгами и пьянствуя. Но... он был шурином того Ваймара, который в 70-х годах помог Кропоткину бежать из тюремной больницы. И по семейной традиции он считал себя радикалом.

Этот господин,— кажется Гурьев,— через одного эмигранта, одессита Долевича (большого любителя выпить и компанейского малого), познакомился с Плехановым и со мною. Повидимому, встречи с революционерами льстили его самолюбию, и сам он в моменты относительного протрезвления был непрочь поддержать честь имени своего шурина. Долевич предложил ему дать группе «Освобождение труда» деньги для издания большого солидного журнала. Богач согласился и в течение некоторого времени отпускал нам довольно крупные суммы.

На эти деньги мы издали в продолжение 1890—1892 годов четыре тома литературно-политического обзора под названием «Социал-демократ»¹⁾.

В первый выпуск этого обзора я дал лишь небольшую статью о брошюре Бернштейна «За десять лет». В следующих трех томах была помещена моя обширная статья «Политическая роль социал-демократии и последние выборы в германский рейхстаг».

В это время исключительные законы против социалистов были уже отменены, партия вышла победительницей из длившейся 12 лет борьбы с прусской реакцией. Выборы 1890 г., на которых социал-демократы собрали 1 500 000 голосов (вместо 750 000, полученных на предыдущих выборах), показали, как чудесно выросли за истекшие годы силы партии. Этот блестящий успех, с одной стороны, значительно усилил приток новых членов в партию и породил иллюзии среди них, а с другой стороны, дал повод для нелепых суждений в русских эмигрантских кружках о неревolutionности или даже антирeволюционности германской социал-демократии,

¹⁾ Из них первые три вышли в течение 1890 г., а четвертый — в 1892 г.

непосредственно на том основании, что она не использовала свою избирательную победу для того, чтобы совершить или начать социалистическую революцию.

Я в заключении своей, сильно разросшейся статьи подчеркивал, что германская социал-демократия стала достаточно сильной, чтобы внушать буржуазным партиям страх за капиталистический строй, но далеко еще не достаточно сильна, чтобы взять на себя почин социального переворота.

В особенности же я указывал на роль социал-демократии как единственной республиканской партии в Германии, являющейся притягательным центром антимонархических сил и представителем республиканских тенденций, и отмечал вытекающие из этого факта выводы для тактики партии. Остановившись на вопросе об открывающихся перед германской социал-демократией перспективах, я доказывал, что будущий политический переворот в Германии приведет социал-демократию к власти и страну к вступлению в эпоху коммунистического ¹⁾ или социал-демократического преобразования общественных отношений.

Журнал «Neue Zeit» поместил немецкий перевод последних глав моей статьи ²⁾. По этому поводу Карл Каутский, редактор этого журнала, прислал мне очень дружеское, теплое письмо, в котором говорил, что разделяет вполне высказанные мною мысли об историческом положении и тактике германской социал-демократии.

1) В то время «коммунизм» и социал-демократия были для нас синонимами.

2) Из «Neue Zeit» эта часть моей статьи была переведена также на итальянский язык. Она вышла в Италии отдельной брошюрой с предисловием Филиппа Туратти.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ МАРКС-ЛАССАЛЬ

Переписка Лассаля с Бисмарком. С предисловием Д. Б. Рязанова	3
--	---

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Степлов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского	26
Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса	41

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. С предисловием Ф. Шиллера	50
Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. Сообщение И. К. Луппола	62

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу. С предисловием Б. Николаевского	76
П. Ансельрод. Группа «Освобождение труда». (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»)	82

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. История философии и диалектический материализм	113
II. Марксизм и биология	118
III. Марксизм и религия	123
IV. Политическая экономия и история общественных форм	127
V. История социализма и анархизма в Западной Европе	135
VI. История революционного движения на Западе	139
VII. История революционного движения в России	144
VIII. Издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса	158

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Выставка Маркса и Энгельса. С предисловием Э. Цобеля	163
Читальный зал за 1923—1927 гг.	171